

Евгения Донова
Другой понедельник

Евгения Донова

Другой понедельник

«Издательские решения»

Донова Е.

Другой понедельник / Е. Донова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838147-8

Мы хотим иметь возможность выбирать: достойную работу, спутника жизни, даже пол будущего ребенка. Но что, если необходимость сделать выбор оборачивается худшим кошмаром, лишаящим сна? Маше предстоит узнать, кто она: верная жена, уважающая брак, или смелая женщина, готовая начать всё сначала. А что бы выбрали вы?

ISBN 978-5-44-838147-8

© Донова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	9
3	12
4	15
5	17
6	18
7	20
8	23
Часть 2	25
9	25
10	29
11	30
12	33
13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Другой понедельник

Евгения Донова

Вы никогда не задумывались, какого цвета дни недели? Для меня понедельник всегда был мышиного серого цвета, вторник – нежно-персикового, среда почему-то зеленая. Четверг коричневый, пятница красная, суббота розовая. Воскресенье всегда было черно-желтым. Ну вот откуда это берется?

Иллюстратор Ирина Артамонова

© Евгения Донова, 2017

© Ирина Артамонова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8147-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

Жарить картошку уже давно вошло в привычку. Этот гарнир всегда спасает, хоть всем и каждому известно, что он вредный, напичкан холестерином, а по калорийности бьет все рекорды. Времени на изыски просто не было.

Маша стояла у плиты, нетерпеливо помешивая картошку в сковородке чуть чаще, чем это требовалось, но длинные кусочки все никак не хотели становиться мягкими и под давлением деревянной лопатки не расплзались, как пюре, а разламывались пополам.

И почему всегда картошка?

Почему бы не купить по дороге домой огурцы, помидоры, листья салата, оливки, сыр фета, немного приправ?.. Почему бы не порубить все ингредиенты на красивой прозрачной разделочной доске, оставленной на дальней полке «на потом», не залить сверху оливковым маслом, смешанным с соевым соусом и лимонным соком, не посыпать сверху тимьяном и базиликом, а потом не выложить всю эту красоту в праздничную салатницу?

Лень.

Лень было по инерции, как всегда. Не то чтобы не было сил встать с кровати с утра или на работе загрузка была больше обычного. Просто так повелось, что Маша работает, убирается, стирает, готовит, а потому на всякие излишества типа салатов у нее просто нет времени и сил. Жареная картошка, гречка, рис, полуфабрикатные котлеты из картонной коробки, пельмени, сосиски и макароны – вот, пожалуй, и весь стандартный набор, который ротировался в их семейном рационе.

А ведь она не всегда была такой.

Когда-то было время, она училась и подрабатывала, а еще умудрялась встречаться с подружками и ходить на свидания. И тогда у нее всегда находилось время на то, чтобы пролистать бабушкину книгу с рецептами, выбрать какой-нибудь пирог или мясное блюдо и приготовить для всей семьи: мамы, папы и себя. Ей нравился процесс превращения набора продуктов в единое блюдо, нравилась пошаговость и точность, почти математичность этого процесса, нравилось сервировать блюда, подавать их на стол каким-нибудь оригинальным способом: сделать надпись на торте или выложить рыбный салат в форме большой рыбы с плавниками из болгарского перца, нравилось, что ее хвалят и предрекают ей будущее великопной хозяйки.

Но ровно в тот момент, когда приготовление еды из хобби превратилось в ежедневную обязанность, а за столом появился молодой мужчина, который не воспринимал в качестве серьезной еды ничего, кроме мяса, желание изобретать вдруг начало испаряться, оставив за собой только легкую дымку, которая вскоре тоже рассеялась.

Маше хотелось поскорее разделаться с картошкой, съесть ее вместе с котлетами и отдохнуть. Она еще раз попробовала разломать лопаткой один из брусочков, но тот по-прежнему плохо поддавался. Она вздохнула и заправила выпавшую из неаккуратного пучка прядь волос за ухо.

Мысли ее, пока она заканчивала с гарниром, текли в привычном, спокойном направлении: отнести завтра бумаги на подпись руководству, не забыть разослать график отпусков, поискать в Интернете сапоги на осень, купить вечером мясо и килограмма два картошки, приготовить ужин.

Из большой комнаты доносился гул телевизора. Мужа из кухни не было видно, но Маша точно знала, что он делает: сидит на диване, вытянув ноги на пуфике, и бесцельно

переключает каналы. Он еще не разделся после работы, потому что тоже лень. Прежде чем облачиться в спортивные штаны и футболку, он по заведенному за годы совместной жизни ритуалу минут двадцать щелкал каналы, развалившись на диване прямо в черных брюках и белой рубашке.

Дресс-код на его работе Маша ненавидела всей душой. Когда он устроился в салон немецких автомобилей четыре года назад, ей даже нравилось, как узкие строгие брюки подчеркивают его мощные спортивные ноги, а белая рубашка оттеняет всегда румяное, веселое лицо. Но это нововведение очень скоро обернулось для Маши адским трудом. Низ брючин надо было ежедневно чистить щеткой, а иногда и застирывать, рубашки – гладить. Да и по прошествии этих лет Ваня уже совсем не так аккуратно смотрелся в этой одежде. Пуговицы на животе уже с трудом удерживали ткань, оттопыривая складки, когда он садился или наклонялся, а брюки под карманами стали топорщиться. Нет, муж не растолстел, скорее, просто заматерел, превратился из мальчика в мужчину. Но аккуратная деловая одежда перестала ему идти, в ней он выглядел скорее как «браток» из пригорода, собравшийся на поминки, и тратить столько времени на эту одежду стало обидно.

Маша нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Готовить ей было неинтересно, скучно. Она подождала еще пару минут, доведя картошку до такого состояния, когда та была еще не совсем готова, но уже съедобна, переложила ее в тарелки вместе с готовыми котлетами и отнесла в гостиную вместе с приборами.

Муж никогда не возмущался по поводу еды, хотя Маша периодически ее портила, хоть и не намеренно. То пересаливала, то недожаривала. Но он стоически выносил все ее кулинарные провалы, всегда съедал все, хвалил съеденное и почти ежедневно просил добавки.

Маша поставила тарелки на стол и позвала мужа ужинать. Он легко отлепился от телевизора, плюхнулся на стул напротив, оглядел стол и довольно протянул:

– М-м-м-м... Картошечка!

– Да. Немножко не дожарила, но очень уж кушать хочется, – призналась Маша и принялась за еду.

– Да ладно! Вполне съедобно получилось. – Ваня уминал ужин за обе щеки. – Как день прошел?

– Нормально. В июле на корпоратив поедem в Турцию, – вспомнила Маша, – дня на три или четыре. Босс попросил помочь с организацией.

– Да ладно! В Турцию?! – удивился Ваня. – Везет вам! Нас куда дальше соседнего ресторана не возили. А что вы там делать будете?

– Не знаю. Купаться, загорать, отдыхать...

– Бухать будут твои бухгалтерши! – подытожил Ваня и рассмеялся с набитым ртом. – В Турцию за этим только и ездят. Ну и еще для кое-чего. Но ты это... Смотри там у меня. – Он делано нахмурился и проглотил сразу половину котлеты.

Маша для вида улыбнулась и перебрала в памяти лица сотрудников своей организации. В основном это были женщины от сорока до пятидесяти, правда, мужчины тоже встречались, но их было мало. Единственная ее ровесница, юрист по имени Наташа, была ее подругой, но в Турцию ехать отказалась – у нее уже был запланирован отпуск и куплены путевки на середину июля. Была еще секретарша по имени Рита, но слишком уж мало общего у них было с Машей. И что она будет там делать, в Турции?

– А как твои дела сегодня? – машинально спросила Маша, продолжая придумывать себе досуг.

– Все хорошо! Сегодня было два хороших клиента, думаю, могут купить. Оставили телефоны, так что будем работать.

Ваня работал менеджером по продажам. Оклад у него был маленький, а основная часть зарплаты складывалась из бонусов за проданные автомобили. Иногда, в периоды низкой

покупательской активности, он получал голый оклад, и этих денег едва ли хватало на еду, в эти месяцы Машина работа была основным источником дохода. Когда же в месяц у Вани случилось по пять-шесть продаж, зарплата становилась более чем приличной.

– Здорово, – поддержала мужа Маша.

Она доела ужин и откинулась на спинку стула. Фуф! Четверг. Осталось пережить еще один день, и можно будет расслабиться – в выходные они с Ваней отсыпались, занимались хозяйством и ходили в гости.

– Слушай, ты никогда не задумывался, какого цвета дни недели? – вдруг поинтересовалась она. Ваня бросил на нее такой взгляд, что она тут же пожалела, что задала свой глупый вопрос. Его поднятые брови и ухмылка как бы говорили: «Что за странные вопросы, женщина?»

– Что за вопросы, женщина? – спросил он, дожевывая картошку. Ваня всегда говорил то, что думал. А что он думал, всегда можно было прочесть у него на лице. Маша смущенно ответила:

– Да я так, просто... Подумала вдруг. У меня вот, к примеру, четверг коричневый.

Ваня рассмеялся:

– Коричневый? Кто же тебе так этот день изгадил?

Маша смущенно засмеялась:

– Никто, я люблю четверги. А у тебя они какого цвета?

– Да никакого! Все будние серые, выходные красные. Как в календаре. Кино смотреть будем?

Маша поспешила собрать посуду и пошла на кухню ее мыть. Последовательность действий была очень простой. Приготовить, съесть, убрать, лечь отдыхать. Мыслей о том, чтобы разнообразить эту последовательность, не возникало уже давно. Хотелось только спать или в отпуск. Даже трехдневный тур в Турцию с кучкой возрастных бухгалтеров казался неплохой идеей.

Маша закончила, пошла в ванную и долго рассматривала свое лицо в зеркале. Под усталыми светло-кариими глазами наметились первые морщинки, уголки губ выглядели чуть приопущенными.

В молодости ей казалось, что она красива. Но как оказалось, красота не в длинных волосах и ресницах, не в цвете глаз и размере груди. На всех школьных и институтских фотографиях она улыбалась, обнимая друзей, на многих даже смеялась, откинув назад голову с копной длинных темных волос. И пусть на этих снимках она не выглядела идеальной: где-то вылезал второй подбородок, а где-то были прищурены глаза – но тогда она жила и жила по-настоящему.

Со временем, когда огонек ее влюбленности в мужа постепенно стал угасать, превращаясь в тлеющие угольки ровной и уверенной любви, а быт из дополнения к романтике превратился в саму суть ее жизни, жизнелюбие постепенно выветрилось, как и желание фантазировать, как и несбыточные, но такие мотивирующие к действиям мечты. Это была не депрессия, ни в коем случае. Это просто была жизнь – такая, какой живут все.

Маша знала, что все дело в отношении. У нее было все, и состояния счастья можно было достичь, проведя над собой определенную работу. Любящий и заботливый муж, ни разу не оскорбивший и не обидевший ее за все восемь лет, квартира, пусть маленькая, но своя, работа и стабильный доход, обожаемые родители, здоровье, в конце концов, – достаточно было лишь подумать об этом хорошенько, мысленно перебрать эти преимущества в голове, как четки, сконцентрироваться. Маша постаралась это сделать, и в зеркале увидела, как темноволосая девушка улыбается. Улыбка вышла немного натянутой, неестественной, но все лучше, чем ходить хмурой.

2

Чем отличается счастливая женщина от несчастливой?

Разницу видно практически сразу, невооруженным взглядом, надо лишь внимательно присмотреться.

Женщина, довольная собой и своей жизнью, вносит с собой в помещение свет. Ее состояние видно по наклону головы, по блеску в глазах, по как будто сдерживаемой, но просачивающейся улыбке. Она вежлива и нетороплива. Неважно, какого она возраста, как выглядит и во что одета, неизменно одно: счастливая женщина создает ощущение благополучия и притягивает мужчин как магнит. Рядом с ней хочется находиться, к ней хочется прикасаться, находиться в ауре ее счастья. Все это происходит бессознательно, но, если задуматься, все очень просто.

Его тоже всегда привлекали счастливые женщины, но всегда только свободные. Когда счастье спровоцировано другим мужчиной, прикасаться к этому счастью не хочется. Есть в негласном мужском кодексе один из пунктов на этот счет. Если же женщина счастлива сама по себе, а в ее глазах еще и не читается острая нужда в том, чтобы кто-то сделал ее счастливой, это то что надо.

Он впервые ее увидел еще зимой, в феврале, в один из понедельников. Забежал утром, перед тем как ехать на работу, в кафе рядом с домом, заказал американо и отправился за угловой столик, чтобы быстро проверить почту. Дверь звякнула колокольчиком, как всегда делала, когда открывалась, и в помещение вошла девушка.

Ее широкое, но строгое пальто, необъятных размеров шарф, много раз уютно обмотанный вокруг шеи, аккуратная шапка с помпоном, ботинки – все было присыпано снегом. Она несколько раз потопала, стоя на коврике при входе, стряхивая с ботинок снег, сняла и потрясла шапку и направилась напрямиком к стойке.

Он внимательно посмотрел на нее, и у него возникло какое-то странное чувство. Как будто они знакомы.

Он наблюдал за тем, как она тихо, едва слышно заказывает себе капучино, как достает из кармана коротко звонивший телефон и читает сообщение, как просит сделать еще и латте, и ему захотелось подойти и спросить: «Мы с вами никогда не встречались?» Но когда он уже собирался встать, вся нелепость этой фразы вдруг до него дошла, и он опустил обратно на стул.

Девушка натянула шапочку, взяла подставку с двумя стаканами кофе и быстро вышла из кафе, не удостоив его взглядом. Он еще минуту смотрел ей вслед, а потом вернулся к чтению писем в ноутбуке.

Она не была похожа на тех, кто нравился ему раньше. В ней как раз не было тех самых признаков, указывающих на счастье: ни наклона головы, ни горящих глаз – ничего. Но лицо у нее было знакомое, родное, и его хотелось рассматривать.

Он отогнал от себя эти мысли и сфокусировался на работе. В конце концов, дома его ждала пусть и не любимая, но все же желанная женщина.

В тот день ему пришлось улететь в срочную командировку на четыре дня, и там, за тысячи километров от дома, он несколько раз мыслями возвращался в то кафе, перебирая в памяти черты девушки, пытаясь сопоставить ее портрет со знакомыми. Определенно, они никогда не встречались, просто было в ее лице что-то очень важное, что необходимо было понять.

Через несколько дней, уже по возвращении в Москву, образ девушки померк и почти стерся из памяти, а мысли о ней стали казаться глупыми и детскими. Он почти перестал

думать о ней, но почему-то в следующий понедельник что-то подняло его раньше будильника, и он, ссылаясь для самого себя на массу работы и пробки, снова пошел в то кафе примерно в то же время, снова взял себе американо, устроился в кресле за угловым столиком и стал поглядывать на входную дверь.

И она пришла.

На этот раз день был солнечный и почти теплый, на ней было все то же несуразное пальто, но волосы в этот раз были распущены, а не собраны в хвостик, как неделю назад, и спадали на плечи, они были очень длинные, почти по пояс. За неделю он успел забыть черты ее лица, они стерлись из памяти, остался только расплывчатый образ.

Он жадно наблюдал за ней, не думая о том, как смотрится со стороны. Светлые карие глаза, нежное белое лицо, четкая линия губ, маленький прямой нос, немного вздернутый на конце, узкие запястья, тонкие ножки в темных лосинах, на контрасте с которыми ботинки смотрелись так, как будто были велики. Он всматривался в ее черты, пытаясь запомнить и понять, что вызвало его интерес. Симпатичная, но не красавица, ничего выдающегося.

Он, еще не обдумав, что скажет, поднялся со своего места, подошел к стойке и встал рядом с ней. От нее пахло свежестью, принесенной с улицы, и еще легкими свежими духами, этот запах был едва различим, неочевиден, как и ее красота, и это совпадение ему понравилось. Она была сантиметров на двадцать ниже его, хрупкая, почти как ребенок, и вблизи выглядела совсем девочкой.

— С вас двести тридцать пять рублей, — сказал кассир девушке, она достала кошелек, открыла его, но тут же обнаружила, что там нет наличных.

— Давайте я заплачу? — тут же предложил он, но она, к его удивлению, даже не подняла на него глаз.

— Спасибо, не нужно, я картой, — тихо ответила она и протянула карточку кассиру.

В этот момент он заметил у нее на пальце обручальное кольцо, простое, из желтого золота, какие носят почти все, и еще не успел обдумать увиденное, когда она забрала ста-

канчик с кофе и направилась к выходу, оставив за собой легкий свежий ветерок. Он растерялся и попросил повторить американо, и пока кофе готовился, его взгляд упал на тарелку для сдачи – в ней девушка забыла свою карту. На ней значилось имя – Maria Konstantinova. Он схватил ее и молниеносно выскочил на улицу. Но девушки нигде не было – видимо, она уже успела скрыться за поворотом или в одном из близлежащих зданий. Тогда он вернулся и отдал карту кассиру.

3

– Расскажите о ваших взаимоотношениях с мужем, – попросила психолог, перебирая короткими пухлыми пальцами крупные бусы из яркого пластика.

– Что именно вы хотите знать?

– Зависит от того, что вы хотите мне рассказать, – улыбнулась она и откинулась на спинку мягкого кожаного кресла, – не стесняйтесь, говорите первое, что придет вам в голову, – подбодрила она.

– Хм... – Маша заерзала на диванчике, пытаясь придумать, с чего начать свой рассказ, чтобы он звучал естественно. – Мы вместе уже давно.

– Прекрасно, продолжайте.

– Мы познакомились в институте. Я училась на третьем курсе, мне тогда только исполнилось двадцать. Он мой ровесник, но учился на другом факультете.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– В гостях у общих друзей. Тогда было легко знакомиться.

– А сейчас?

– А сейчас в этом нет необходимости, – Маша почувствовала, что сказала это слишком категорично, но продолжала с вызовом смотреть в глаза женщины напротив.

– Как вы считаете, для чего человеку нужны новые знакомства? – невозмутимо, но мягко поинтересовалась психолог.

– Не знаю... Для расширения кругозора, для интереса... – этот вопрос сбил ее боевой настрой.

– То есть в данный момент у вас нет потребности расширять свой кругозор?

– Я не так поняла, – пришлось идти на попятную, Маша почувствовала, как начинает краснеть, – я подумала, что вы имели в виду знакомиться с мужчинами.

– А вы считаете, что мужчина не может расширить ваш кругозор?

– Я считаю, что дружба между мужчиной и женщиной вряд ли возможна. По крайней мере, рано или поздно она к чему-то приведет.

– Так было у вас с мужем?

Маша задумалась. Были ли они с Ваней когда-нибудь друзьями?

– Нет, – она покачала головой, – у нас все было по-другому. Мы сразу начали встречаться и очень быстро поженились.

– Насколько быстро? – Бусы, перекатываемые пальцами, издавали едва слышный стук, и почему-то этот звук, нарушающий тишину комнаты, действовал на Машу успокаивающе.

– Через полгода.

– Это действительно быстро. Вы, наверное, были очень влюблены.

– Наверное.

– За что вы полюбили своего мужа?

Маша облокотилась на спинку дивана и надолго замолчала. У Вани было множество положительных качеств. Он был добрым и веселым, искренним, обожал детей и животных, все доходы нес в семью, в любой компании балагурил и притягивал к себе все внимание. Но она обратила на него внимание не поэтому. Тогда она еще не знала, какой он. Немного подумав, она неуверенно ответила:

– Наверное, он мне понравился, потому что мне польстило его внимание.

– То есть он выделил вас из всех девочек, и это вас привлекло?

– Да, мне кажется, так и есть.

– Хорошо, – доктор сделала несколько пометок в блокноте и снова посмотрела на Машу. – Родители поддержали ваше решение так быстро пожениться?

– Поддержали. И мои, и его родители всю жизнь прожили душа в душу и так же познакомились достаточно рано, так что, думаю, они надеялись на повторение их судьбы.

– А вы надеетесь на повторение их судьбы?

– Конечно, – ни секунды не задумываясь, кивнула Маша, – думаю, этого хотят почти все люди.

– Вам бы хотелось состариться вместе с мужем?

– Да.

– Как давно вы вместе?

– В сентябре будет девять лет.

– Это очень долгий срок для вашего возраста. Вы не задумывались о детях?

– Конечно задумывались. В конце этого года мы выплатим ипотеку и после этого, скорее всего, займемся этим вопросом.

– Вы бы хотели детей?

– Все хотят детей.

Психолог сделала еще несколько записей и снова обратилась к Маше:

– Как вы можете охарактеризовать ваши отношения сейчас?

– Хм... У нас нормальные, теплые отношения, мы почти не ссоримся. На самом деле мы уже так давно вместе, что абсолютно друг к другу привыкли.

– Вы его любите?

– Конечно.

– Хорошо. Скажите, как часто вы занимаетесь сексом?

Маша почувствовала, как ее лицо заливается густой краской. Она знала, что идет к семейному психологу-сексологу, но в душе все же надеялась, что тема секса подниматься не будет.

Она, вообще, пришла сюда не с какой-то конкретной проблемой, а по просьбе подруги Наташи. Та очень хотела попасть на прием к этой довольно известной в узких кругах эксцентричной женщине и планировала пройти с мужем целый курс, а за то, что привел друга, в этом центре полагалась приличная скидка, так что она уговорила Машу сходить один раз и оплатила ее прием.

– Пару раз в месяц, – честно призналась Маша и стыдливо опустила взгляд, чувствуя, как начинают гореть ее щеки.

– В общем-то, неплохо для девяти лет отношений, – подбодрила ее психолог. – Вы пробуете что-то новое? Пытаетесь как-то разнообразить интимную жизнь?

– Нет, – Маша слегка лукавила. Ваня несколько раз делился с ней своими идеями, но она ужасно стеснялась и всегда отказывалась.

– Бывает, что вы фантазируете о других мужчинах?

– Нет, никогда, – честно ответила Маша.

– Понятно, – еще раз что-то записала психолог.

– Самый главный вопрос. Подумайте хорошо, прежде чем ответить. Вы чувствуете себя счастливой?

Рот уже открылся, чтобы ответить: «Конечно», но что-то ее остановило. Как и советовала врач, она задумалась. Счастлива ли она? Ответ всплыл в подсознании сразу, но верить в него не хотелось. Тем не менее она едва слышно ответила:

– Нет.

– Чего вам не хватает? Ведь, насколько я понимаю, судя по опросу в начале занятия, в остальных сферах жизни у вас все в порядке. Вы молодая симпатичная женщина, здоровая, выросли в счастливой семье. Родители живы-здоровы, слава богу. Муж есть, вы его любите.

– Наверное, я не так ответила. Наверное, я счастлива, – Маша уже пожалела, что произнесла вслух то, что вынырнуло из глубин подсознания.

Теперь психолог озвучивала ее тревожные мысли, мучившие ее не один месяц, а из уст другого человека, тем более квалифицированного специалиста, они звучали как обвинение в глупости и эгоизме. Не надо было приходить.

– Вы не так меня поняли. Тут нет правильных или неправильных ответов. Если на вопрос, счастливы ли вы, вы отвечаете отрицательно, значит, так и есть. Просто я хочу понять, что, по вашему мнению, является причиной этого состояния.

– Я не знаю, – честно ответила Маша. Ей вдруг захотелось плакать, но она сдержалась. Еще не хватало разрыдаться на груди у этой полной маленькой женщины, заливая слезами ее цветастые бусы!

– Мы еще очень мало знакомы, но, если вам интересно мое мнение, я могу сказать, что думаю по этому поводу.

– Скажите, пожалуйста, – попросила Маша. Она одновременно и боялась, и хотела услышать то, что сейчас ей скажет эта женщина.

– Не могу утверждать, что права, потому что, повторюсь, мы еще мало знакомы, но, как мне показалось, вы проживаете не совсем свою жизнь.

– В каком смысле?

– Вы проживаете ту модель, которую воспитали в вас родители, без учета ваших особенностей и склонностей. Они хотели для вас такого счастья, которое было у них, но не учли, что счастье у каждого свое. Насколько я поняла, ваш муж – порядочный человек, и он вас любит, а вы любите его. Но не потому, что вы действительно подходите друг другу, а потому, что у вас не было другого выбора. Когда человек загнан в угол, он просто физически не может чувствовать себя счастливым.

Маша молчала. Она никогда не думала, что счастливое детство и любовь родителей могут как-то навредить ей в жизни. Теория звучала правдоподобно, но верилось в нее с трудом. Счастье у всех, может, и разное, но основа его у всех людей одна – крепкая семья.

Психолог выждала немного и, не получив ответной реакции, продолжила:

– Если хотите, мы можем эту ситуацию проработать. Сначала я бы посоветовала нам с вами позаниматься индивидуально. Нащупать, где границы вашего счастья и совпадают ли они хотя бы частично с вашей жизненной ситуацией. Потом можем позаниматься втроем с вашим мужем. Вполне возможно, у него схожие проблемы.

– Я подумаю, – оборвала Маша и встала. Ей тут же стало стыдно за резкость, и она снова присела. – Извините. Но мне просто нужно время все это осмыслить.

– Конечно, я понимаю. Подумайте и, если надумаете, звоните, – улыбнулась психолог.

Маша вышла из психологического центра в февральскую черноту и вяло побрела к метро. Бред какой-то! То есть у нее было счастливое детство, сейчас у нее счастливый брак, но это плохо? Зачем, вообще, такая психотерапия? Как говорит Ваня, надо думать поменьше, и проблемы все тут же перестанут казаться такими уж страшными. Ей вдруг резко захотелось поехать домой и забраться под теплое одеяло.

4

Он сразу нашел ее в Сети. Девушек с таким же именем оказалось много, но не слишком. Двадцать восемь лет, Москва. Страничка у нее была практически пустая – ни предпочтений в музыке или кино, ни чекинов. Фото было всего несколько, на всех был отмечен ее муж. На фотографиях она была такая же, как в жизни: немного задумчивая, грациозная, укутанная в бессмысленные тонны одежды, скрывающие ее очевидную стройность. Работала она в компании, предоставляющей бухгалтерские услуги на аутсорсинге. Сразу же нашелся и адрес – он сохранил его в телефоне.

У ее мужа, наоборот, страница была очень пестрая. Создавалось впечатление, что целыми днями он только и делал, что зависал в соцсетях. Этот спортивного телосложения парень полностью соответствовал своему имени – Иван. Простое русское лицо, не обремененное интеллектом, по крайней мере, судя по фото, и сотни фотографий: он катается на водных лыжах, он жарит шашлыки, он за рулем машины. Жены на фотографиях было очень мало, и это вызывало недоумение: она явно была лучшей его половиной, более утонченной, интеллигентной, вдумчивой. Такую девушку он должен был бы носить на руках и снимать ее за рулем машин и на водных лыжах, выставляя ее как главное свое достоинство и увлечение. Но он, кажется, совершенно ей не гордился.

Судя по всему, женаты они были давно, еще с институтских времен – вместе они появились еще на фотографиях восьмилетней давности.

Работал муж в автосалоне. Адрес также был сохранен в телефон.

Из размышлений его выдернул телефонный звонок.

– Олег, это я. Ты когда приедешь? Эти изобретатели уже здесь. Без тебя начинать нет смысла, поскольку это финансовая история.

– Еду, – коротко ответил Олег и повесил трубку.

Вместо того чтобы изучать фотографии субтильных девушек в Сети, пора бы и делом заняться. Он одним глотком допил кофе и отправился на работу.

Нельзя сказать, что он все время думал о ней, это было не так. Он продолжал жить своей жизнью, работать, рядом с ним были женщины, но, повинаясь какому-то необъяснимому импульсу, он продолжал каждый понедельник в половине девятого утра приходить в кафе и наблюдать за дверью. Ближе к девяти появлялась она, снова заказывая с собой кофе и снова не обращая на него ровно никакого внимания. Он наблюдал за тем, как менялась ее одежда в зависимости от погоды, за тем, как она двигалась, и пытался угадать ее настроение. Всего пару раз за несколько месяцев она улыбнулась, когда читала сообщения в телефоне, стоя на кассе, все остальное время она была задумчива и даже немного печальна.

Это стало еженедельным развлечением: увидеть ее, изучить во всех подробностях ее движения и все детали ее внешности, подслушать, как она делает заказ. Он втайне надеялся, что она сделает или скажет что-то, благодаря чему он поймет: она ему больше не интересна. Но все ее движения продолжали быть грациозными, голос по-прежнему был тихим и мягким, волосы спадали на плечи блестящими волнами, а когда она уходила, в проходе еще несколько секунд пахло легкими свежими духами.

С этих наблюдений и начиналась его неделя, он подпитывался ими и больше не возвращался к этим мыслям ровно до следующего воскресенья, когда приходило время завести будильник. И тогда он ставил его на восемь утра, чтобы на следующий день в половине девятого снова зайти в кафе. Такой распорядок стал уже нормой, и Олег чувствовал себя в нем вполне комфортно, но однажды, с наступлением очередной недели, она вдруг не пришла.

Он прождал целый час, но она так и не появилась. Он сидел бы в кафе и дольше, но впереди была встреча, от которой фактически зависело будущее его бизнеса, поэтому в девять сорок пять он поехал на работу, хоть на душе у него и было беспокойно.

Он понимал, что она могла пойти к врачу или проспять, что кофе ее могли угостить на работе, или она забыла деньги дома, но мысли о ней, вопреки сложившейся традиции, не покидали его весь день.

На следующее утро он снова пошел в кафе, но она снова не появилась, равно как и в среду. Тогда он решил подождать до следующего понедельника, но и тогда она не пришла.

В то майское утро он, сидя за привычным угловым столиком, четко осознал, что без этих понедельничных разведок он больше не может. Доза была небольшая, но жизненно необходимая. Он усмехнулся сам себе: до чего докатился!

Чтобы унять тревогу и снова получить свой наркотик, ближе к шести вечера он приехал к бизнес-центру, в котором располагался офис ее компании. Он находился неподалеку от его дома и того кафе, где он выслеживал ее последние три месяца.

Он припарковал машину на противоположной стороне улицы и стал внимательно следить за выходом из здания. Ровно в шесть из дверей повалил типичный офисный планктон – белые воротнички, только и желающие поскорее свалить с работы. В шесть пятнадцать поток стал потихоньку редеть, а к половине седьмого практически иссяк. Олег неотрывно следил за выходом, параллельно обзванивая партнеров и инвесторов. За полчаса он закончил дела и поудобнее устроился в водительском кресле. Вдруг с ней действительно что-то случилось? Может быть, она заболела?

В шесть сорок она вышла из здания. Он сразу испытал облегчение и глубоко вздохнул. Она жива, она в порядке, просто решила перейти на чай. Сразу же за облегчением хлынул поток вопросов, которым суждено было остаться без ответа. Где она была? Почему больше не приходит в кафе? Придет ли еще когда-нибудь? Наблюдая за ее легкой походкой, за босыми ногами в летних туфлях, развевающимися волосами, он вдруг понял, что не может больше, как школьник, ждать нового понедельника. Ему нужно было с ней поговорить. Времени думать не оставалось – он в одно мгновение выбрался из машины и направился к ней.

5

День был что надо. Солнце, зелень, мягкие перистые облака в полупрозрачной синеве неба, легкий ветерок, развевающий волосы. Маша наслаждалась тем, как босые ноги в балетках соприкасаются с уже почти летним воздухом, как легко ее тело чувствует себя в невесомых брюках и футболке, как теплый вечерний воздух проникает под одежду. Самое любимое время в году!

Идти домой категорически не хотелось. Запихивать себя в душное людное метро, ехать через всю Москву, чтобы варить сосиски... Сегодня хотелось только гулять и наслаждаться солнышком, пока вечер не опустится на город и не растворит остатки тепла. Маша решила прогуляться и пошла в сторону небольшого парка неподалеку.

– Добрый вечер. – Рядом с ней вырос молодой человек, от неожиданности она вздрогнула, окинула его быстрым взглядом и ответила:

– Добрый вечер.

Он был высокий, статный, симпатичный, с темными волосами, коротко и аккуратно подстриженными, в белой рубашке и черных брюках, и она сразу, чтобы отсечь любые поползновения познакомиться, заметила:

– Вы одеты так же, как мой муж.

Он усмехнулся:

– Гуляете?

– А в чем, собственно, дело? – спросила она. – Могу я вам чем-то помочь?

– Дело в том, что... Я тоже здесь гуляю. Погода сегодня отличная. Не составите мне компанию?

Маша вспомнила про визит к психологу и расширение кругозора, но гулять с чужим мужчиной, пусть даже и очень обаятельным, когда муж сидит дома один, – это уж слишком. Она хотела ответить ему строго, но настроение было слишком хорошее, поэтому она остановилась и, не сдерживая улыбки, проговорила как можно мягче, так, чтобы не обидеть:

– Погода и правда отличная. Но я не гуляю, спешу домой, к мужу, простите. И хорошего вам вечера.

Он тоже застыл, глядя на нее открыто, весело, она развернулась и пошла в сторону метро, испытывая легкую досаду оттого, что ее план прогулять домашние обязанности провалился.

6

Пятничные обеды с партнерами, по совместительству лучшими друзьями, уже давно стали традицией. Вначале они неизменно обсуждали работу, постепенно переходя к личным темам. Алекс, как обычно, зависал в своем планшете, что, впрочем, никак не мешало ему участвовать в разговоре, а Артем, напротив, откладывал подальше все гаджеты, чтобы с удовольствием поглумиться над друзьями.

Олег с наслаждением втянул носом ароматный пар, поднимавшийся над тарелкой с варениками, и принялся за еду.

– Ну почему всегда вареники? – усмехнулся Тема.

– Я их люблю. Мама всегда их для меня в детстве лепила, – пояснил Олег.

– Господи, если в постели ты такой же однообразный, как в еде, то неудивительно, что ты до сих пор один, – едко заметил друг и принялся за свой стейк. Олег закатил глаза:

– Постоянство не самое худшее качество для мужчины.

– Ну да, конечно. Например, ты постоянно портишь нам жизнь, – засмеялся Тема. Олег не удержался и тоже хмыкнул.

– Да оставь ты его в покое, бога ради, – Алекс оторвался от планшета. – Что он нам портит?

– Да вечно влезает со своими расчетами, весь кайф ломает!

– Если бы не его расчеты, мы бы давно уже по миру пошли!

– Девочки, не ссорьтесь, – засмеялся Олег, – расскажите лучше, как у вас дела.

– Да у нас все по-старому, – с удовольствием сменил тему Алекс. – Дети встают в половине шестого утра, а моя жена знает что говорит? Чтобы делать карьеру, ей надо спать хотя бы до семи.

– По крайней мере, вы уже отстрелялись, – заметил Тема, – родили сразу мальчика и девочку, с детьми можно больше не париться.

– О да, конечно! Главное же родить, а дальше все само собой по накатанной пойдет! – с сарказмом ответил Алекс. – Ты себе даже не представляешь, какой это труд. Вся наша работа нервно курит в туалете по сравнению с трехлетним недосыпом.

– Расслабься, это не будет длиться вечно, – подбодрил друга Олег, – рано или поздно они вырастут.

– Только об этом и мечтаю, – вздохнул Алекс. – А как у вас дела с Олесей?

– Никак, мы больше не вместе, – сказал Олег, с удовольствием отправляя в рот очередной вареник.

– Что-о-о-о?! – Тема выпучил глаза. – Да эта женщина была просто идеальной!

– Не знаю, – пожал плечами Олег, – может быть. Но это не мое.

– А что тогда твое?

– Что-то другое, – Олег вспомнил Машу, ее изящную фигурку, нежные черты лица. Он не хотел рассказывать о ней друзьям. Пока не хотел. Сейчас это было что-то личное, интимное, и делиться этим не хотелось.

– Да что ты пристал к нему, в конце концов? – усмехнулся Алекс. – Не созрел еще наш мальчик.

– Или уже перезрел, – буркнул Тема.

– Как ты? – с невозмутимой улыбкой перевел стрелки Олег.

– Про меня уже давно все понятно, я никогда не женюсь. Зачем мне это надо, вот правда? Чтобы вставать всю жизнь в половине шестого утра? Без обид! – Тема бросил взгляд на Алекса.

– Да какие обиды, я тебя умоляю! – Алекс бросил на друга ироничный взгляд. – Я всего лишь коротаю свою жизнь с лучшей в мире женщиной и нашими очаровательными детьми. А ты умрешь в одиночестве. Так что твои подколы я как-нибудь переживу.

– Это я умру в одиночестве?! – возмутился Тема. – Да ко мне очередь из сексуальных пенсионерок выстроится!

– Да кому ты будешь нужен с простатитом и катарактой?

– Прошу заметить, что катаракта будет не только у меня, – Артем поднял вверх указательный палец, – никто не будет особо вглядываться.

Олег с удовольствием наблюдал за этой перепалкой. Ему нравились эти пятничные обеды, из формата деловой встречи плавно перетекавшие в легкий стеб. Ему нравилось, что они втроем, такие разные, вместе уже столько лет, и их дружба не только не мешает, но даже помогает работе. Вместе они были как хорошо отлаженный механизм швейцарских часов. Алекс, примерный семьянин и отец, всегда рассуждал рационально, а Артем, настроенный на получение от жизни максимального удовольствия, всегда подбрасывал оригинальные и рискованные решения, без чего в инвестиционном бизнесе было не обойтись.

Олег не относил себя ни к одному из этих двух типажей. Ему одинаково импонировал и творческий подход, и сухой математический. Его сильной стороной всегда была интуиция. Он спокойно и уверенно шел по жизни, планировал будущее только в отношении работы, а о семье и детях он пока серьезно не задумывался. Он на секунду представил себя с Машей. Эта мысль показалась ему абсурдной, ведь он совсем ее не знал, но почему-то думать об этом было все равно приятно.

7

Ваня действительно любил свою работу и совсем не понимал тех нытиков, которые ежедневно жаловались на то, что продажи – это унинительно, и хотели уволиться. Справедливости ради надо сказать, что подолгу они в салоне никогда не задерживались, и это вызывало у Вани чувство скрытой гордости за то, что он не такой, он никогда не ноет и рано или поздно будет за это вознагражден.

Ему нравилось ощущение праздника, которое по-прежнему, даже по прошествии четырех лет, возникало после облачения в белую рубашку и брюки. Как парадная школьная форма на первое сентября. Ему нравился недолгий путь на работу, всегда с громко орущим радио, чтобы проснуться, всегда с первой утренней сигаретой. Нравился ему и сам салон – просторное двухэтажное здание с высоченными потолками, тут все блестело и подсвечивалось. Но больше всего ему нравились автомобили. Ежедневно их натирали до блеска, и они манили, как пропуск в благополучную, устроенную жизнь.

Продажники в салоне уже давно вывели свою классификацию посетителей. Категорий было много, но, пожалуй, самые нелюбимые для всех, кроме Вани, были мечтатели. Им достаточно было войти в этот храм немецкого автопрома, и сразу становилось понятно: это не их клиент. Чаще всего это были мальчишки лет двадцати, иногда даже школьники старших классов, они почти всегда ходили парами, поскольку, судя по всему, в одиночку им было страшно. На все предложения помощи они отвечали всегда: «Я только посмотреть» – и подолгу задерживались около самых дорогих моделей, трогая их, нажимая на все кнопки, вдыхая запахи кожаного салона и дорогого пластика. Это были люди, создающие толпу, заставляющие настоящих клиентов салона ждать, пока освободится машина, поэтому обычно продавники разговаривали с ними сухо и скупно, даже немного свысока, хотя первым правилом на тренинге по продажам было как раз обратное: никогда не думать и не показывать, что вы лучше, чем они.

Ваня видел в таких персонажах частичку себя. Не работай он тут, не имея возможности каждый день любоваться этими автомобилями и прикасаться к ним, он точно так же приходил бы сюда, садился, трогал, нажимал все кнопки. Он точно знал, что это помогает сфокусироваться, что постановка четкой цели в жизни очень важна. Тем не менее таких клиентов он избегал, как и все остальные, поскольку главной его целью было делать продажи, а не работать психологом. Этот принцип он давно усвоил и принял за основу в своей работе.

У Вани все было спланировано. Цель краткосрочная – стать сотрудником месяца, уделав своих коллег по количеству продаж. Дважды за четыре года ему это удавалось, но этого было недостаточно, он был тщеславен и хотел большего. Среднесрочная цель состояла в том, чтобы после выплаты ипотеки приобрести, наконец, немецкий автомобиль, причем не вшивый подержанный, а источающий ни с чем не сравнимый аромат новой машины. Ваня, работающий в этой сфере, как никто другой понимал, насколько глупо и несуразно покупать новую машину, если та же двухлетка стоила в полтора раза дешевле, но у него была мечта, и эта мечта манила. Цель долгосрочная состояла в том, чтобы стать успешным и состоятельным. Если в случае с первыми двумя целями было примерно понятно, что нужно делать, то разрыв между реальным положением дел и третьей целью был космический. Он не думал о шагах, которые нужно было бы предпринять для достижения этой цели, поскольку подсознательно чувствовал: для этого придется оставить любимую работу, а этого ему хотелось меньше всего. Поэтому он отложил данный вопрос до следующего года и просто наслаждался тем, что имеет, это у него всегда получалось на отлично.

Был май. Сквозь высокие стеклянные стены в салон струился солнечный свет, и все было бы хорошо, если бы не дохлый период в продажах – они с ребятами называли его

«Месяц дохлого сурка». В мае большинство их потенциальных клиентов брали длинные отпуска и уезжали за границу, отчего продажи катастрофически проваливались. Работать в эти дни было скучно, но деваться было некуда.

В салон продолжали заходить мечтатели, но расслабленные менеджеры чаще всего их просто игнорировали, занимаясь своими делами.

Ваня первый заметил, когда в салон зашла девушка и не спеша направилась изучать самые девчачьи модели. Ваня дернулся, чтобы встать и подойти к ней, но тут же заметил, что ее уже взял в оборот его коллега.

Ваня выругался про себя. Одинокие девушки были редкими посетителями салона, чаще всего они приходили в компании мужей и не принимали никаких решений. Он завистливо изучил посетительницу, насколько позволял обзор с его рабочего места. Высокая, светлые длинные волосы, короткое платье. Вот черт!

Ваня никогда не изменял жене, но довольно часто фантазировал о других женщинах. Впрочем, он никогда не мучился угрызениями совести на этот счет, в конце концов, он просто мужчина, и думать ему не воспрещается.

Он заметил, как девушка смеется шутке менеджера, откидывая назад золотые волосы. Похоже, он ей понравился.

Ваня представил, как было бы здорово рассмешить такую красотку, увидеть в ее глазах интерес, восхищение. Возможно, она оставила бы ему свой телефон (для дальнейших контактов по поводу машины, естественно), и он смог бы ей звонить и поддразнивать рассказами о ее новом авто: «Ваша машинка уже в пути, скоро приедет» или «Вашу машинку уже натирают, чтобы она блестела» – женщинам обычно нравятся все эти детали.

Размышляя обо всех возможных поворотах событий, Ваня чуть было не пропустил еще одного покупателя. Благо остальные менеджеры тоже были сегодня как сонные мухи и на этого мужчину не среагировали, и тот направился напрямик к Ване.

Ваня молниеносно сопоставил его лицо с лицами всех своих клиентов и совпадений не нашел. Хотя, безусловно, это был их потенциальный покупатель. Высокий, дорого одетый, но при этом достаточно молодой мужик, от которого так и веяло благополучием. Бабы, наверное, гроздьями вешаются.

– Добрый день, – приветливо улыбнулся незнакомец, – вы мне не поможете?

– Добрый день, конечно! – с энтузиазмом подскочил Ваня. – Что подбираете?

– Смотрю какую-нибудь небольшую машину для девушки.

– Малолитражку не рассматриваете? – на всякий случай спросил Ваня, пока они шли по залу, хотя было понятно, что малолитражка и этот мужик – абсолютно разные истории.

– Мне дорога ее жизнь, спасибо, – засмеялся мужик.

– Как я могу к вам обращаться?

– Олег, – он протянул руку, и Ваня, тоже представившись, ее пожал.

Они подошли к самой дорогой трехдверной спортивной модели, и Ваня стал энергично расписывать все ее преимущества. Олег обошел ее со всех сторон, посидел за рулем. По его быстрым отлаженным движениям сразу стало понятно, что водит он уже очень давно и в тачках разбирается. С такими знатоками общаться было проще всего. Как говорили в Ванином салоне, их машины сами себя продают, достаточно просто рассказать обо всем, что они могут.

– Вы бы купили такую машину своей жене? – поинтересовался Олег, все еще сидя за рулем.

– Она у меня не водит, но если бы водила, то купил бы, конечно, – соврал Ваня. Машина была слишком дорогая, и, даже если бы Машка села за руль, он бы никогда не купил ей эту тачку. Для первой машины сгодилась бы и подержанная дешевая Корея.

– А почему не водит? – спросил Олег, видимо, для поддержания разговора.

– Да она у меня читать любит... Говорит, что лучше будет в метро читать, чем ехать три часа по пробкам.

– Тоже верно, – легко согласился Олег.

Они еще немного поговорили о двигателе, коробке и подвеске, а потом клиент вдруг засобирался. Ваня уточнил, может ли он ему позвонить, и тот оставил свой телефон. Только вот когда Ваня через два дня набрал номер, телефон оказался выключен.

8

После той встречи около Машиной работы Олег вернулся в машину и минут десять сидел без движения, перебирая в уме и смакуя все подробности произошедшего. Его распирало от счастья. Тот факт, что она не захотела с ним знакомиться, лишь подтверждал его догадки: она не легкомысленная, не вертихвостка, а верная, преданная и серьезная.

Он впервые был так близко от нее. Он наконец полной грудью вдохнул аромат все тех же духов, разглядел четко очерченные скулы, родинки на шее и одну, очень маленькую, над губой, ключицы, выглядывавшие из-под футболки, впервые посмотрел в ее теплые светлые глаза, увидел легкую улыбку, которую вызвал именно он, а не кто-то другой.

Ее лицо было все таким же родным, знакомым, его хотелось изучать, трогать. Он уже столько раз рисовал это лицо в своих мыслях, что это родство теперь стало еще более крепким, нерушимым. Он даже не мог допустить мысли, что ошибся и выбрал не ту девушку. Теперь у него уже не оставалось сомнений – он влюбился.

Вопрос был только в том, стоит ли что-то делать с этой влюбленностью. Он хотел ее узнать, проводить с ней время, прикоснуться к ней, но нужно ли это ей? Она замужем и, похоже, относится к браку очень серьезно. Нужно ли рушить ее брак из эгоистических соображений?

Этот вопрос не давал Олегу покоя не один день. Он несколько раз находил ее страничку в Сети, пытаясь отыскать на фотографиях доказательства того, что она несчастна, но, как ни старался, не мог их увидеть. Она всегда сдержанно улыбалась, всегда выглядела спокойной. Олег уже запутался: то ли она действительно не выглядела счастливой, то ли он убедил себя в этом, но в любом случае что-то в ее взгляде продолжало его звать.

Он всегда верил в то, что любой женщины можно добиться, это лишь вопрос времени, усилий и погруженности в процесс. Кого-то достаточно позвать в кино, на кого-то нужно потратить много месяцев, но суть одна: все женщины хотят внимания, любви, заботы и восхищения, пусть и в разных проявлениях, и все, что нужно, – это лишь дать ей то, что ей так необходимо.

У Олега никогда не было проблем с женщинами. Любил он лишь однажды, очень давно, это было взаимно и закончилось браком. Достаточно быстро стало понятно, что одной любви недостаточно, и их брак постепенно сошел на нет. Ей пришлось немного труднее, чем ему, но он сделал все, чтобы облегчить процесс развода: подарил ей полугодовое путешествие в Южную Америку и полностью исчез из ее жизни, чтобы лишний раз не причинять боль. Сначала она была очень обижена, но со временем простила его и научилась относиться как к близкому другу. После развода прошло уже шесть лет, и теперь они иногда встречались, делились последними новостями и могли даже обсуждать личную жизнь. У него остались самые теплые воспоминания о браке с Катей.

Когда они развелись, ему было двадцать шесть лет. Он в полной мере осознал, какой глупостью было жениться в таком возрасте, и пустился во все тяжкие. Женщинам он всегда нравился, они считали его красивым, их привлекал его успех, поэтому недостатка в женском внимании он не испытывал никогда.

Теперь он понимал, что все это было не то. Веселые, красивые, интересные женщины (ему никогда не нравились пустышки), но его никогда по-настоящему не волновала ни одна из них. Они вызывали интерес, желание, с ними было здорово проводить время, но разве когда-нибудь он сидел в машине, как мальчишка, радуясь тому, что разглядел родинки на шее одной из них?

Ему хотелось прожить это чувство, пропустить его через себя. Он хотел, чтобы оно стало настолько невыносимым, чтобы ему пришлось начать ухаживать за Машей, несмотря

на этическую дилемму. Он чувствовал, что этот момент наступит, и ждал его. Он понимал, что это малодушие, что нужно принять правильное решение и не влезать в чужую семейную жизнь, но слишком трудно было с этим бороться. И он перестал.

Момент этот наступил довольно скоро, через пару недель после провальной, но от этого не менее приятной попытки познакомиться.

Он продолжал ходить в кафе, хотя и понимал, что это рискованно. Если бы она его заметила и, не дай бог, узнала, то могла бы испугаться его навязчивого внимания, и это бы испортило все. Но соблазн был слишком велик, поэтому каждый понедельник, как и раньше, он продолжал приходить в кафе в восемь тридцать утра, заказывать американо, садиться за угловой столик, только теперь он брал еще и газету, за которой прятался, как настоящий преследователь.

На следующей неделе после их встречи она снова появилась. На этот раз она была явно не в духе, выражение лица у нее было угрюмое, между бровями залегла маленькая морщинка. Она забежала буквально на минуту, кофе приготовили быстрее обычного, или Олегу так показалось, и тут же вылетела из кафе обратно на улицу. Он даже не успел толком ее рассмотреть.

Еще через неделю она снова была там, но на этот раз совсем не торопилась, и настроение у нее было отличное, как тогда, около офиса. Она появилась в дверях раньше обычного в легком летнем платье, из-под которого выглядывали худые, почти детские коленки, и внутри у Олега что-то болезненно сжалось. Она прошла к стойке и улыбнулась кассиру, улыбка у нее была ласковая, довольная, и Олег, к своему неудовольствию, отметил про себя, что она улыбается почти так же, как тогда, две недели назад, улыбалась ему. Она перекинулась парой фраз с бариста, откинула волосы назад, вдохнула полной грудью аромат свежесваренного капучино и направилась к выходу.

Тот момент, когда она покинула кафе, оставив за собой привычный шлейф свежих духов, и стал поворотным.

Олег вдруг понял, что был дураком. Он почти четыре месяца подглядывал за этой девушкой, он ловил каждое ее слово, каждый взгляд, каждое движение, ждал каждого следующего понедельника, надеялся на встречу, мечтал. А все это время рядом с ней жил другой мужчина. Каждый день она возвращалась к нему, готовила ему ужин, ложилась с ним в постель. Каждый день они становились ближе, а вероятность того, что она будет с Олегом, стремительно уменьшалась. Он потерял столько времени ради чего? Он всего лишь, как последний слабак, давал себе время на то, чтобы убедиться в том, что и так было понятно с самого начала.

И он решил больше не терять ни минуты.

Часть 2

9

День не задался с самого утра. В унитазе плавал носок, который Ваня, очевидно, не докинул до корзины с бельем, и Маше пришлось его вылавливать. Пока она принимала душ, начались перебои с горячей водой, и она вспомнила, что именно сегодня ее отключат на десять дней, а значит, вставать теперь нужно будет еще раньше. Вообще, ежегодный ритуал кипячения воды в кастрюле и обливания из ковшика ее невероятно раздражал, но Ваня наотрез отказывался устанавливать бойлер, потому что «это выброшенные на ветер деньги, можно недельку в году и потерпеть». Она едва успела смыть остатки шампуня с волос, как воду все-таки отрубили, и она почувствовала что-то наподобие злорадства – Ваня вставал позже нее, так что мыться ему предстояло под ледяной водой. Ничего, ему полезно будет.

Вторники Маша не любила. Точнее, сначала она не любила понедельники, еще с младших классов, когда на смену веселым выходным на даче с любимыми родителями, бабушкой и друзьями приходила очередная учебная неделя, и надо было рано вставать, расчесывать длинные, спутанные после ночи волосы и заплетать косы. Будучи уже во взрослом возрасте, в очередной понедельник проснувшись в легкой депрессии, Маша решила, что так больше нельзя. И с тех пор стала разбавлять начало недели разными приятными мелочами. Капучино из любимого соседнего кафе уже вошел в привычку, иногда она пропускала этот ритуал из-за возникавших дел, но старалась делать это крайне редко. Остальные мелочи, которые ее радовали, тоже чаще всего приходились на понедельник. В обед она заказывала не бизнес-ланч, а полноценное вкусное блюдо и десерт, после работы могла купить в магазине какую-нибудь безделушку, а еще часто назначала встречи со старыми знакомыми именно на этот день. Таким образом, понедельник постепенно стал любимым днем в ее неделе, а его функцию дня паршивого взял на себя вторник, рискуя из персикового превратиться в серый.

Маша уже начала подумывать о том, что бы придумать для второго рабочего дня, но пока никаких оригинальных мыслей в голове не было. Поэтому в тот вторник она, выпив растворимый домашний кофе и потолкавшись в метро, приехала на работу не в самом лучшем виде и настроении.

Открыв почту, она еще раз убедилась в том, что вторники – отстой, поскольку первое, что она прочла, было письмо от босса, ругавшего ее за подобранного ею безалаберного курьера.

Эпопея с курьерами началась с того момента, как Маша устроилась на эту работу. Если бухгалтеры, составлявшие восемьдесят процентов штата, отличались завидным постоянством, то с курьерами была беда. Эта должность требовала исключительной пунктуальности, точности и аккуратности, но при этом оплачивалась унизительно скромно. Соискателями почти всегда выступали две категории людей: студенты и пенсионеры. Студенты отличались скоростью, но всегда подводили. То не выходили на работу после вечеринки, то что-нибудь теряли, да и, вообще, довольно часто увольнялись буквально через два-три месяца работы. Пенсионеры были не такими быстрыми, но зато очень исполнительными. Маша с удовольствием бы взяла на работу какого-нибудь дядю в летах, но – вот незадача – Машин босс, Гаврилов Алексей Валерьевич (в простонародье ГАВ), был категорически против. Однажды, несколько лет назад, еще до прихода Маши, он решил взять на работу дедушку одной из сотрудниц, а тот буквально накануне выхода на работу взял и умер. ГАВа эта история жутко потрясла, и теперь он наотрез отказывался брать на работу людей пре-

клонного возраста. В итоге молодые курьеры сменяли друг друга чуть ли не каждый сезон. Наташа даже подтрунивала над подругой, мол, лето пришло, пора искать нового курьера.

Маша любила свою работу, но терпеть не могла беседовать людей. Ей куда больше нравилось копаться с бумагами, оформлять договоры и личные дела, но постоянные фиаско с курьерами полностью отбили у нее желание проводить личные встречи.

Маша пролистала письмо, глаза выхватили ставшие за последние годы уже привычными фразы: «Вы должны больше внимания уделять...», «Прошу вас срочно исправить положение» и «Сколько раз эта ситуация еще будет повторяться?» – и свернула окошко. Ей предстоял очередной поиск, который, как она уже по опыту знала, наверняка тоже не увенчается успехом. Маша вздохнула. На улице была такая шикарная погода, что работать совершенно не хотелось. Она уже хотела пойти на кухню и заварить себе кофе, как вдруг телефон на ее столе зазвонил. Маша сняла трубку.

– Маша, тебе тут кое-что принесли, – сообщила секретарь с ресепшена по имени Маргарита, единственная сотрудница в этой конторе младше ее.

– Что принесли? – не поняла Маша.

– Посылку. Приходи посмотреть, – Рита отключилась, и Маша по коридору направилась к главному входу в офис напротив лифтов.

На стойке ресепшена, за которой Рита с гордым видом красила свои пятисантиметровые ногти, стоял высокий картонный стаканчик с кофе из ее любимого кафе, а рядом лежал маленький очаровательный букет из пионов. Маша невольно улыбнулась и подошла посмотреть букет. Цветов было всего семь, они были белые, разного размера – от совсем маленького и нераскрытого до самого большого, уже распустившегося, вместе они составляли немного асимметричный, невероятно нежный букет. Пионы, по своему обыкновению, уже стали опадать, и рядом с букетом лежало несколько лепестков, что придавало всей композиции еще больше романтики. Маша аккуратно взяла цветы и понюхала – запах был едва уловимый, но очень приятный.

– Кто это принес? – спросила она Риту.

Та, не отрываясь от своих ногтей, выдала со свойственной ей усиленной артикуляцией:

– Какой-то парень лет тринадцати. Он только что ушел.

– Тринадцати?! – у Маши округлились глаза.

– Я думаю, это курьер, – пояснила Рита.

– А он не сказал, от кого это?

– Нет, сказал только, что для Маши Константиновой. – Рита подняла на Машу густо накрашенные глаза с наращенными ресницами и уже не так деловито, с каким-то сочувствием спросила: – Может, муж?

– Может, и муж, – бросила Маша и, подхватив кофе и букет, поспешила поставить цветы в вазу.

Букет, медленно ронявший свои мягкие лепестки в течение всего рабочего дня к Маше на стол, не давал ей покоя. Она сразу поняла, что это не Ваня. Во-первых, это было совершенно не в его стиле – дарить цветы без повода, просто так, да еще и отправлять их с курьером к ней на работу. Во-вторых, в том случае, если он все же решался подарить букет, это всегда были розы, чаще всего красные или, на худой конец, ярко-розовые, в прозрачной хрустящей пленке с бантами и вензелями. Ваня много раз говорил ей, что цветы – это праздник для женщины, а праздник должен быть ярким и веселым. Если бы он увидел пионы, то, скорее всего, сказал бы, что это букетик для могилки или что у дарившего просто не хватило денег на нормальный букет.

Но Маша поняла. Она даже не догадывалась, кто прислал букет, но точно знала, что белые пионы – это признак хорошего вкуса и, возможно, даже символ чего-то, только вот чего, она еще не поняла.

Она гадала, кто бы это мог быть, но ни один из знакомых мужчин не проявлял к ней такого внимания, чтобы стало понятно: это он. И тогда она решила не терзаться этим вопросом. Жест, безусловно, был красивым, но было намного приятнее, когда он не ассоциировался с конкретным человеком, с его достоинствами и недостатками, с конкретной внешностью и поведением.

Кофе она пить не стала, несмотря на то, что на стаканчике был логотип ее любимой кофейни, а из дырочки в пластиковой крышке тянуло аппетитным ароматом капучино. Пить неизвестно откуда взявшийся напиток показалось ей безрассудством, и она его вылила.

Она оставила букет на рабочем столе и ничего не сказала Ване, который в тот вторник так увлекся рассказом о конкурсе для продавцов на работе, что забыл спросить, как прошел ее день.

По дороге на работу на следующий день Маша почти забыла о вчерашнем происшествии и полностью погрузилась в чтение, так, что чуть не проехала свою станцию. Погода все еще была чудной, и она даже немного опоздала на работу, потому что решила сделать крюк и пройти через тенистый, наполненный летними ароматами парк.

Когда лифт открылся и Маша вышла в холл перед стойкой ресепшена, на ней снова стоял стакан кофе и снова лежал букет из пионов, только на этот раз они были кремового цвета. Маша широко улыбнулась, так хорошо ей стало от того, что этот жест повторился. Она всю жизнь была влюблена в пионы, но по иронии судьбы ей никогда их не дарили.

– Это опять тебе принесли, – продекламировала Рита, делая акцент на букве «р», – на этот раз мальчик постарше.

– Ты не спросила, от кого это? – уточнила Маша, бережно забирая букет и стаканчик.

– Я не передаточный пункт, вообще-то, – обиделась Рита, – и в чужие дела не лезу.

– Если тебе не сложно, – как можно вежливее попросила Маша, – ты не могла бы, если еще раз принесут цветы, позвонить мне? Я сама все узнаю.

– Я бы, может, и позвонила, да только ведь вы же опаздываете, – буркнула Рита.

Маша не стала лезть в бутылку. Несмотря на вредность, странный выговор и вульгарную внешность, Рита была на редкость исполнительницей, и просить ее о чем-то два раза никогда не приходилось, за это ее тут и держали уже третий год.

Кофе она так и не рискнула выпить, хотя на этот раз была близка к этому, но все же инстинкт самосохранения возобладал.

К белому букету на столе добавился еще и кремовый. В перерыве между двумя беседами и обедом Маша разглядывала их и задавалась все тем же вопросом: кто? Из просто красивого жеста это начало перерастать в небольшое ухаживание, и ей стало по-настоящему интересно узнать, кто этот аноним.

Маша пыталась рассуждать логически: кто мог знать, что пионы – ее любимые цветы, а этот кофе она предпочитает любому другому? Да практически никто. Про кофе, допустим, могла знать Наташа, которая, кстати сказать, в этот момент находилась в отпуске, но цветы? Скорее всего, это простое совпадение. Тем более если бы он хоть немного был знаком с Машей, то знал бы, что она давно и очень глубоко замужем.

Больше ее волновал тот факт, что поклонник никак себя не обозначил. Ей казалось, так бывает, если мужчина некрасив или стар. Он хочет завоевать внимание еще до встречи, дав таким образом самому себе фору.

Все это было очень странно, но в то же время очень приятно. Маша поймала себя на мысли, что, смотря на букеты, улыбается. Как давно с ней не было такого! Она уже и забыла, когда в последний раз кто-то за ней ухаживал. По сути, ей было все равно, кем окажется анонимный поклонник, в любом случае на измену она никогда бы не пошла, но элементарное женское любопытство щекотало где-то под ложечкой.

В четверг утром Маша спешила на работу больше обычного. Ей удалось добраться до офиса еще до начала рабочего дня, и, когда двери лифта под мягкий звон кабины открылись, она сразу же увидела, что на стойке ресепшена пусто. Испытав странную смесь облегчения и разочарования, она поздоровалась с Ритой, неизменно красившей ногти с утра пораньше, и пошла в свой кабинет. Буквально через минуту зазвонил телефон – Машин компьютер даже не успел загрузиться. Она тут же сняла трубку.

– Ты просила позвонить, – коротко сообщила Рита и повесила трубку.

Да уж, краткость – сестра таланта. Маша подскочила на месте и со всех ног бросилась обратно в холл. Около ресепшена с невозмутимым видом пойманного хулигана стоял парень лет пятнадцати в школьной форме.

– Вы – Маша? – фыркнул он, окидывая ее оценивающим взглядом.

Машу этот пренебрежительный тон немного обидел, но в то же время сам факт того, что этот парень, пусть и не очень воспитанный, совсем недавно видел ее тайного поклонника, говорил с ним и сейчас может разрешить все ее сомнения, очень ее воодушевил. Она проигнорировала замечание и в лоб спросила:

– Кто присылает цветы?

– Он запретил мне говорить, – ответил парень и направился к лифтам, оставив на стойке стакан с горячим кофе и новый букет, на этот раз нежно-розовый.

Маша пошла за ним и встала рядом, когда он нажал на кнопку вызова лифта, но парень, видимо, боясь расколоться, с деловым видом смотрел прямо перед собой.

– Пожалуйста, скажи, – попросила она своим самым жалобным тоном.

– Нет, – отрезал мальчишка.

– Я тебя очень прошу!

– Не скажу.

– Он тебе заплатил? Или просто попросил? Я тоже могу заплатить, если хочешь.

– Нет, – повторил он.

Мигнула стрелка индикатора на стене, лифт звякнул и открылся, парнишка зашел внутрь. Маша растерялась и не знала, что делать, поэтому, когда двери стали закрываться, просто бросила ему вслед:

– Передай ему, что я замужем! Не надо больше ничего присылать!

Последние слова она кричала уже в закрытую дверь.

10

Неизменный американо пробуждал одним своим видом, не говоря уже об аромате. Олег пролистывал почту в ноутбуке, стараясь не отвлекаться на посторонние мысли, но все же каждый раз, когда звенел колокольчик над дверью кафе, он резко поднимал взгляд, чтобы убедиться, что это не к нему. В душе он надеялся, что это не мальчишка, а Маша, что парень ей проболтался, и она отправилась в кафе сама, чтобы поговорить с ним. Но эти пустые фантазии он старался отогнать подальше – логика подсказывала, что есть всего два варианта развития событий. Либо курьер вернется ни с чем, как было в предыдущие два дня, либо она его все-таки поймала и попросила передать Олегу, чтобы тот отстал. Он совсем ее не знал, но почему-то в ее порядочности не сомневался. Он чувствовал, что она не сдастся без боя, что будет сопротивляться до последнего, просто потому, что давно решила для себя, что хорошо, а что плохо. Он уважал эту позицию, но разделять ее не собирался. Он верил, что завоевать Машу можно только при помощи железобетонного упорства, и был готов проиграть каждую из тактических битв, чтобы выиграть войну, хотя сама мысль о том, что он воюет с этой хрупкой, нежной девушкой, была абсурдна.

Дверь в очередной раз звякнула, и в кафе зашел мальчишка, которому Олег двадцать минут назад сунул деньги и дал четкие инструкции. Тот сразу его заметил и быстро подошел к столику. Олег вопросительно на него посмотрел.

– Видел ее, – довольный собой, парень выдержал паузу.

– И? – не выдержал Олег.

– Спрашивала, кто шлет цветочки.

– Так и спросила? «Цветочки»? – засмеялся он.

– Да нет... Вроде сказала: «Кто посылает цветы». И потом упрашивала рассказать. Я чуть не раскололся, – пояснил мальчишка.

– Но не раскололся?

– Нет, ничего не сказал. Она еще мне вслед сказала, чтобы вы перестали это делать, потому что она замужем.

Олег рассмеялся. Казалось бы, предсказуемость не самое захватывающее человеческое качество, но оттого, что он предугадал ее действия и слова, у него только еще больше разгорелся азарт. Ему хотелось узнать все ее мысли, привычки, читать ее поведение и предсказывать любой ее шаг. Школьник смотрел на него, как на сумасшедшего. И действительно, почему этот псих смеется, если девушка только что его отбила?

– Молодец, – похвалил Олег и пожал пацану руку, – завтра опять приходи сюда в девять, договорились?

– Заметано, – по-деловому кивнул парень и побежал обратно в школу.

Олег с легкой душой выпил чашку американо и отправился на работу.

11

Процесс покраски ногтей с самого утра давно укоренился в Ритином распорядке дня. Без этого ритуала день не задавался, а она чувствовала, что пропустила важную процедуру в работе над собой.

Всю свою жизнь Рита стремилась к красоте. Лишь надев туфли на двенадцатисантиметровой шпильке, обтягивающие джинсы с блестящими бабочками и яркую блузку с выдающимся вперед шикарным жабо, она чувствовала себя женщиной. Она знала, что красота – тяжкий труд, ежедневная работа, даже повинность, которую она будет нести до конца своих дней, и старалась делать это с гордо поднятой головой, в душе презирая женщин, которые не красились, приходили на работу без лифчика или, что еще хуже, без каблуков. Благо таких женщин вокруг было море, объекты для презрения и внутренних диалогов с самой собой, как невзрачные рыбки, проплывали перед глазами практически ежеминутно.

Вся Ритина жизнь строилась вокруг стремления быть красивой, и она гордилась этим. Утром после чашки кофе на работе она красила ногти, в обед ела принесенную с собой из дома еду из меню очередной диеты, от ужинов отказалась уже много лет назад. Дважды в месяц она ходила на наращивание ногтей и ресниц, как минимум трижды – по магазинам в поисках стильных и ярких вещей, один раз в неделю подкрашивала отрастающие корни волос. Рита считала крашеных и даже натуральных блондинок дешевками, поэтому с упорством маньяка последние пять лет красила свои светло-русые волосы в цвет воронова крыла.

Помимо непосредственных действий по приданию себе лоска Рита не пренебрегала и самообразованием. На ее столе за стойкой ресепшена всегда лежали свежие журналы, откуда она черпала вдохновение и идеи для макияжа и гардероба.

Несмотря на все тяготы жизни настоящей женщины, Рита была счастлива уже оттого, что ни один человек не оставлял ее без внимания. Мужчины смотрели на нее с восхищением и чаще всего боялись подойти, опасаясь получить отказ, женщины всегда смотрели с завистью. Рита удовлетворенно отмечала про себя каждый взгляд, снова и снова убеждаясь в том, что делает все правильно.

Машу Рита не любила, но справедливости ради стоит сказать, что она не любила практически всех женщин в своей жизни, за исключением, пожалуй, только мамы и парочки лучших подруг. Риту возмущало то, что Маша почти не красилась, вечно ходила с распущенными волосами, даже не пытаясь сделать укладку или прическу, одевалась как подросток и никогда не носила каблуки. Рита воспринимала это как личное оскорбление, хоть разум и подсказывал ей, что Машин внешний вид ее не касается.

Каково же было Ритино удивление, когда Маше ежедневно стали присылать цветы и кофе! Одного взгляда на ее мужа, когда тот забирал жену с новогоднего корпоратива, было достаточно, чтобы понять: это не он. Рита могла безошибочно определить характер мужика практически сразу, всего лишь оглядев его с головы до ног. Этот высокий, достаточно милый и улыбчивый молодой мужчина хоть и производил, скорее, приятное впечатление, но совершенно точно был не обременен высокодуховным отношением к женщинам. Рита легко могла представить его на даче, жарящего шашлыки или за игрой в футбол во дворе, но присылать пионы всех цветов радуги? Исключено.

Поэтому, когда Маша стала донимать ее вопросами о том, кто присылает цветы, Рита не удивилась, но все равно расстроилась. Ей не дано было понять, как некоторые мужчины могут оставаться настолько слепы и уж тем более как это невнятное существо по имени Маша смогло так сильно заинтересовать двух представителей сильного пола, что один из них на ней женился, а второй засыпал цветами.

После третьего букета, когда Маша кричала в закрытый лифт, чтобы тайный ухажер оставил ее в покое, легкое разочарование сменилось настоящим раздражением. Она еще, видите ли, недовольна! Рите захотелось громко выругаться, но профессионализм секретаря не позволял ей этого сделать.

На следующий день, в пятницу, все тот же прыщавый мальчишка притащил очередной букет светло-желтых пионов и стаканчик кофе, пробурчал, что это для Константиновой, и молниеносно скрылся в лифте. Рита с удовольствием отметила про себя, что у мальчонки хоть и только-только начали пробиваться усики, но он уже смотрел на Риту полным вождением взглядом. Она неохотно сняла трубку и набрала номер Маши.

– Опять тебе тут цветы, – с раздражением сообщила она и нажала отбой.

Константинова появилась через десять секунд, раскрасневшаяся, только вот непонятно отчего. Вроде радоваться должна, дура, но вид у нее был оскорбленный. Она взяла со стойки ресепшена букет и сунула его в мусорное ведро под Ритиним столом, потом забрала кофе и направилась с ним в сторону кухни.

Рита задохнулась от возмущения. Такие цветы! Такой жест! А она еще и нос воротит! Рита взяла пачку тонких ароматизированных сигарет, зажигалку со стразами, телефонную трубку и направилась в сторону лифта. Обычно она не курила до обеда, но эта сцена совершенно сбивала ее рабочий настрой – необходимо было проветриться.

Рита спустилась в лифте и медленно поцокала шпильками в сторону раздвигающихся дверей бизнес-центра. Шажки у нее получались крошечными, как у гейши, из-за узкой, ниже колена юбки, которая намертво обтягивала ее бедра. Путь до входа показался невероятно долгим, но она чувствовала спиной восхищенные взгляды охранников, они подпитывали ее истощенный энергетический запас.

На улице было здорово: теплое, почти летнее солнышко, море зелени, пение птиц. На секунду ей захотелось прямо с офисной телефонной трубкой пойти в сторону парка, бросив свой пост, но она тут же отказалась от этой мысли. Ее серьезное отношение к работе было вторым по значимости качеством ее характера после неизменного стремления к красоте. Рита достала тонкую сигарету и с удовольствием ее прикурила. Если уж и курить что-то, то только пахнущие розами тонкие женственные палочки, а не эти маленькие бревна, которые смолили все вокруг.

После первой затяжки она огляделась. Людей около входа было мало, в основном до обеда сотрудники организаций хотя бы старались делать вид, что работают. Во второй половине дня, напротив, тут бывало приличное скопление людей, они собирались группками, курили и громко что-то обсуждали.

Неподалеку стоял статный мужчина в черных брюках и расстегнутом дорогом пиджаке, он быстро, по-деловому говорил по телефону. Ритин радар тут же подсказал ей, что это мужик породистый, богатый, наверняка у него свой бизнес, а дома его ждет какая-нибудь блондинка в кружевах. Рита легко представила себя на месте этой блондинки. В ее голове тут же возникла картина: она в пушистых домашних тапочках на шпильке и шелковом пеньюаре лежит на кожаном диване с журналом, немного усталая и томная после рабочего дня, а муж (почему-то сразу стало понятно, что она не просто любовница, а законная жена) возвращается с работы, страстно прижимает ее к себе и предлагает сходить поужинать в ресторан.

Рита расправила плечи, перекинула копну иссиня-черных волос со спины вперед, на грудь, чтобы их было лучше видно, и медленно, прогулочным шагом, хоть в ее случае этот шаг ничем не отличался от быстрого, стала расхаживать по площадке перед входом так, чтобы попасть в поле зрения красавца. Но он не смотрел в ее сторону. По телефону он что-то доказывал и разъяснял, и до Риты долетали только обрывки фраз: «Мы в это вкладываться

не должны, я уверен», «Ты разве не помнишь, чем закончилась история с теми японцами?» и «На то они и венчурные». Слово «венчурные» Рите ничего конкретного не говорило, но она интуитивно почувствовала, что это как-то связано с деньгами, причем с большими, а потому еще больше приосанилась. Ему бы только увидеть ее, и он уже точно не смог бы отвести взгляд!

Но мужчина закончил разговор, убрал телефон в нагрудный карман пиджака и легкой походкой направился в сторону парковки. Рита тихо выругалась, выбросила сигарету и медленно направилась обратно в офис.

12

После инцидента с выброшенными цветами и вылитым кофе Маша тщетно пыталась настроиться на работу, но у нее ничего не получалось. Она злилась всеми фибрами своей души, и эта бессильная ярость не давала ей сосредоточиться на стопке бумаг, которые неммым укором лежали на ее столе, ожидая подписи.

В двенадцать пятнадцать зазвонил телефон, и Маша с остервенением схватила трубку:

– Да, – голос прозвучал довольно грубо, и раздражение тут же сменилось чувством вины за несдержанность. – Я слушаю, – уже мягче сказала она.

– К тебе курьер, – буркнула Рита и, когда Машино сердце уже сжалось в очередном приступе злобы, едко добавила: – На собеседование. Отправляю его в переговорку.

Со всеми своими переживаниями Маша совершенно забыла о встрече с соискателем. Она вытащила из папки распечатанное резюме и неохотно, как на казнь, отправилась на встречу.

На этот раз кандидатом был мальчик двадцати лет. Маша предпочитала девочек, потому что они были более ответственными, но на этот раз не смогла найти ни одного женского резюме.

Парень развалился на стуле и ковырялся в телефоне. Маша быстро окинула его взглядом: высокий, худой, с выбритыми висками и пирсингом в брови. Практически со стопроцентной вероятностью можно было сказать, что надолго он не задержится. Тем более как, вообще, можно взять на работу человека на должность курьера, если он опоздал на собеседование на пятнадцать минут?

Маша сокрушенно вздохнула и опустилась на стул напротив парня:

– Добрый день, Максим, я Маша, мы с вами общались по телефону.

– Здравствуйте! – бодро ответил он и засунул мобильник в карман.

– Как добрались? Почему опоздали?

– Да я не опоздал. Пришел вовремя, просто с вашей секретаршей разговорился. – Маша заметила, как у Максима весело блеснули глаза. Прекрасно! Еще не хватало, чтобы он втюрился в Риту.

– Ясно, – снова вздохнула Маша, – расскажите, пожалуйста, про предыдущее место работы.

– Ну, я работал курьером в рекламном агентстве... Недавно вот уволился.

– А почему уволились?

– Да денег было мало, – честно ответил он.

– Но мы предлагаем всего на пять тысяч больше. Вас такой оклад устраивает?

– Ага.

Маша подавила желание закатить глаза. Она сверилась с распечатанным резюме: на предыдущем месте работы мальчишка задержался всего на два месяца. Отлично!

– Как много мест вы успевали посетить за день на предыдущей работе?

– Два, иногда три.

– У нас будет больше. Обычно в день пять-шесть отправок. Вас это не смущает?

– Неа, – беззаботно отозвался Максим.

Маша совершенно четко осознала, что ловить тут нечего, и выдала заготовленные и много раз уже использованные фразы:

– Что ж, Максим, спасибо за то, что пришли! Мы будем смотреть еще людей, поскольку хотим на эту должность взять очень ответственного человека, который задержится тут надолго. Я обязательно буду иметь вашу кандидатуру в виду и позвоню вам в любом случае.

После встречи Маша в расстроенных чувствах направилась в свой кабинет. Ну почему по иронии судьбы единственный пунктуальный и исполнительный курьер, попадавшийся в ее жизни, был нанят не ей, а ее ненавистным ухажером?

13

– Я его делаю, понимаешь? По четырем позициям из восьми делаю, как школьника! – вздохнул Ваня, сидя на кровати и наблюдая за тем, как она переодевается в короткую летнюю пижаму. – Сколько раз за все это время он мне тыкал, что, мол, он продавец лучше меня, что меня только за красивые глазки держат и все такое! Понятное дело, в шутку, но все-таки.

– А сейчас он что говорит? – поинтересовалась Маша, натягивая майку на голое тело.

– Да ничего не говорит он, – Ваня откинулся на спину и блаженно потянулся, – потому что сказать нечего. Я в этом месяце двадцать человек в базу внес, у меня четыре продажи, а у него ни одной, прикинь? Ни-од-ной! – он от души рассмеялся и снова присел, изучая взглядом жену.

Маша была какая-то потерянная, отстраненная, разговор поддерживала еле-еле. Ну, хоть отвечала, и на том спасибо. Вид у нее был раздосадованный.

– Ты чего такая? – спросил Ваня. – Случилось что?

– Какая? – этот вопрос как будто выдернул ее из забытья, она вся сгруппировалась и с вызовом смотрела на Ваню.

– Не знаю. Нервная какая-то, – он пожал плечами, – в последние дни все только «да» и «нет», доброго слова от тебя не дождешься.

– Прости, – она села с ним рядом и положила голову ему на плечо, – что-то я совсем замоталась с этой работой, в отпуск хочу.

– Посмотрим, как пойдет, может, и съездим! – подбодрил Ваня и обнял ее за худые плечи.

Он любил жену. Это чувство за девять лет претерпело столько изменений, что он уже совсем забыл, как это было вначале, когда они не могли насмотреться друг на друга. Эта крепкая юношеская влюбленность, которая несколько месяцев затмевала все и полностью определяла их жизни, достаточно быстро стала угасать после свадьбы. Поначалу его это напугало, но после обстоятельного разговора с отцом он четко уяснил для себя одно правило: отношения – это работа, а работа его никогда не пугала.

Тот первый год после свадьбы оказался для него самым трудным. Он снова начал замечать вокруг себя красивых девушек, их короткие юбки и выглядывающие из-под них чулки манили его, их декольте вели с ним немой диалог. По ночам ему снились соответствующие сны, он будто вернулся в пубертатный период, когда его возбуждал любой объект женского пола. Но рядом была жена, девушка, которую он самостоятельно, без какого-либо давления выбрал, с которой связал свою жизнь. Она уже не казалась ему самой красивой женщиной на свете, ее худоба, выступающие ключицы и длинные пальцы уже не выглядели для него как изваяние талантливого скульптора. Эта девушка перестала быть мечтой, она превратилась в человека, который всхрапывал во сне, периодически мучился от насморка и частенько вел себя не так, как Ване хотелось бы.

Сложнее всего было с сексуальным влечением к ней. С каждым месяцем все сложнее и сложнее было заставить себя исполнять супружеский долг. Это казалось такой несправедливостью! Любая девушка с пухлыми губами, с высокой упругой грудью, с округлыми бедрами практически сразу вызвала в нем бурю фантазий, а собственная жена спала рядом с ним в постели мертвым грузом.

Но Ваня не сдался и теперь, по прошествии стольких лет, особенно гордился собой. Он никак тогда не показал перемену в своем отношении, ничем себя не выдал, он продолжал работать над собой, как советовал отец, напоминая себе каждый день, почему он выбрал именно эту девушку, а не любую другую, и этот метод сработал. Постепенно с течением

времени он стал замечать за собой, что его чувства к ней снова становятся нежными, и эта, воспитанная искусственным путем, любовь пусть и не идет ни в какое сравнение с той, первоначальной, влюбленностью, но, с другой стороны, куда ценнее, поскольку является плодом не гормонального всплеска, а работы над собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.